

RU

Речевой акт «клятва» в обыденной сфере общения: коммуникативно-семантический, типологический, аксиологический и гендерный аспекты

Митронов И. А.

Аннотация. Цель исследования заключается в комплексной характеристике речевого акта «клятва» в обыденной сфере общения. Научная новизна статьи обусловлена тем, что названная характеристика изучаемого речевого акта дается с когнитивно-коммуникативных позиций. Комплексность анализа изучаемого речевого акта в данной статье позволяет установить соотношение эксплицитных перформативных формул и переориентированных речевых формул проклятия, клятв-репрезентативов и клятв-коммиссивов, гендерные различия в употреблении, охарактеризовать виндиктивную составляющую речевого акта «клятва». В результате проведенного исследования выявляется коммуникативно-семантический облик клятвенных формул, определяются типологические и коммуникативно-семантические признаки скрепляемых данными формулами высказываний, получает освещение ценностная составляющая исследуемого речевого действия и дается его характеристика в гендерном аспекте.

EN

Speech Act “Oath” in Everyday Communication: Communicative-Semantic, Typological, Axiological and Gender Aspects

Mitronov I. A.

Abstract. The article analyzes the peculiarities of speech act “oath” functioning in everyday communication. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that speech act “oath” is considered from a cognitive-communicative viewpoint. Relying on the conducted analysis, the researcher identifies the correlation of explicit performative formulas and speech formulas of self-damnation, oaths-representatives and oaths-commissives, reveals gender differences in their usage, describes vindictive component of a speech act “oath”. The research findings are as follows: the author reveals communicative-semantic nature of speech acts “oath”, determines typological and communicative-semantic features of such statements, describes value component of a speech act under study, considers its gender aspect.

Введение

Речевой акт «клятва» может рассматриваться как культурный концепт. Это предполагает описание номинативных и дескриптивных единиц, представляющих данный речевой акт в этноязыковом сознании. Кроме этого, он может рассматриваться как собственно речевое действие с точки зрения мотивационно-целевых, ситуативных параметров и форм объективации в коммуникативном поведении. Последнее обстоятельство, в свою очередь, обуславливает необходимость многоаспектной и комплексной характеристики изучаемого речевого акта как в обыденной, так и в институциональной сферах общения. В данной статье описываются формы объективации речевого акта «клятва» в обыденной сфере общения. Актуальность данной статьи определяется становлением когнитивно-коммуникативного подхода к изучению языковой личности, который ориентирует лингвиста на изучение «корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» (Кубрякова, 2004, с. 9) и выводит в центр исследовательского внимания дискурсивную деятельность как феномен, связанный «с процессами планирования и регулирования внешней деятельности людей, их ориентации в ценностно-коммуникативном пространстве» (Алефиренко, 2002, с. 170). Особый интерес в этом контексте представляет речевой акт «клятва», который, с одной стороны, характеризуется высоким уровнем психосоциальной значимости, а с другой – остается недостаточно изученным в рамках вышеназванного подхода.

Для достижения поставленной цели нам необходимо решить следующие задачи: 1) выявить коммуникативно-семантический облик клятвенных формул; 2) определить типологические и коммуникативно-семантические

признаки скрепляемых данными формулами высказываний; 3) описать ценностную составляющую данного речевого акта; 4) исследовать изучаемый речевой акт в гендерном аспекте. В работе используются следующие методы исследования: описательный метод, представленный приёмами наблюдения, сравнения, индукции и дедукции по В. П. Москвину (2015), функциональный анализ, количественный анализ.

При проведении нашего исследования мы опираемся на теоретическую базу, которую составляют разрабатываемые отечественными лингвистами концепции языковой личности (Г. И. Богин, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных и др.), основные положения когнитивной лингвистики (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова и др.), прагмалингвистики (В. В. Богданов, Дж. Л. Остин, А. А. Романов, Дж. Р. Серль и др.) и теории дискурса (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, П. Серио, И. И. Чесноков и др.).

В качестве исследовательского материала в работе используются выдержки (1917 единиц) из произведений художественной литературы и публицистики, представленные в базе данных электронного Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>) и Гугл-книги поискового сервиса Google (<https://books.google.ru/>).

Практическая значимость нашего исследования заключается в возможности использования его результатов и выводов в преподавании русского языка в высших и средних учебных заведениях, в курсах преподавания теории языка, в лексикографии, лингводидактике, а также в работе аспирантских семинаров и научных студенческих обществ.

Приступая к описанию речевого акта «клятвы» в обыденной сфере общения, необходимо отметить, что она (в отличие от институциональной сферы общения) предоставляет говорящему определенную свободу в организации своего коммуникативного поведения в целом и обращении к изучаемому речевому акту в частности, а также выборе формы представления последнего в той или иной ситуации социального взаимодействия. Это обстоятельство дает нам возможность рассматривать интересующий нас речевой акт с различных точек зрения, имея в виду коммуникативно-семантический облик клятвенных формул, типологические и коммуникативно-семантические признаки скрепляемых клятвенными формулами высказываний, его аксиологическую составляющую и гендерную характеристику по всем вышеперечисленным параметрам.

Основная часть

Коммуникативно-семантическая характеристика клятвенных формул

Рассмотрим коммуникативно-семантический облик клятвенных формул, используемых носителями русского этноязыкового сознания в обыденной сфере общения.

Речевой акт «клятвы» представляет собой «утверждение единства мысли, слова (знака) и дела, базирующееся на его готовности подвергнуть себя каре, т.е. проклятию, за нарушение искренности высказываемого» (Чесноков, 2016, с. 110). Эта готовность, или виндиктивная составляющая речевого акта, воплощается в самых разных формах, которые в наиболее общем виде могут быть разделены на переориентированные речевые формулы проклятия и эксплицитные перформативные формулы (Чесноков, 2016, с. 110). Все они, по нашим данным, используются носителями русского этноязыкового сознания в обыденной сфере общения. При этом эксплицитные перформативные формулы употребляются чаще (1345 случаев), чем переориентированные речевые формулы проклятия (572 случая).

Больше всего эксплицитных перформативных формул с глаголом «клянусь», имплицитно содержащих проклятия (752 случая):

1) «**Клянусь**, ничего такого нет в машинах – ни оружия, ни продуктов» (Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)).

2) «**Клянусь**, до последней минуты не верил. Знал и не верил. Так чаще всего и бывает» (Сергей Довлатов. Чемодан (1986)).

Меньше эксплицитных перформативных конструкций, состоящих из глагола «клянусь» и имени, обозначающего ценность, которую говорящий готов принести в жертву при нарушении клятвы (592 случая): *клянусь Богом, честью, мамой (матерью), отцом (папой), жизнью, клянусь детьми* и др. Например:

1) «Не стану, мать! – воскликнул я. – **Клянусь** тебе **богом**, не стану! – И я опустил на колени перед нею, поцеловав землю в знак того, что мои слова правдивы и крепки» (И. Е. Вольнов. Повесть о днях моей жизни (1912)).

2) «**Честью** своей **клянусь**, **жизнью дочери** моей Катьки, **жизнью внуков**: не знал я заранее и представить себе не мог, что он мне расскажет обо мне самом» (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Хромая судьба (1982)).

В ходе исследования нами выявлен единичный случай использования эксплицитной перформативной формулы, состоящей из глагола «клянусь» и речевого построения, раскрывающего содержания проклятия:

1) «...Поклянись, что не убивали Лариску! Старуха медленно подъехала к окну, подняла правую руку: – Клянись, пусть расшибёт паралич, если вру» (Д. Донцова. Дама с коготками).

Среди переориентированных речевых формул проклятия наиболее употребительны те, которые в русском этноязыковом сознании представляются словом «ротыба» (Митронов, 2020) (488 случаев): *лопни глаза / глазыньки / утроба / печенка; провались я (провалиться мне) на месте / в тартарары / в преисподнюю / сквозь землю; не сойди мне (не сойди я) с места; отсохни моя рука / руки и ноги / язык; чёрт меня побери / подери* и др. Например:

1) «**Лопни мои глаза**, никому не скажу!» (М. А. Алданов. Ключ (1929)).

2) «А ты, Машка, горло-то не дери, а не то вот **с места не сойти** – убью; как муху, как моль убью...» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)).

Менее популярны формулы, которые, как показывает материал, мы можем назвать ротьюбой-божбой (Митронов, 2020) (84 случая): *накажи меня Бог / Господь; разрази меня Бог / Господь; побей меня Бог / Господь; покарай меня Бог / Господь; иссуши меня Господи*. Например:

1) «Иди народ кличь, а не пойдут, – **накажи бог**, вернусь на этот бок и хутор ваш весь с землей смешаю...» (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940)).

2) «Не буду, лебедушка, не буду, – рыдал Никифор. – **Покарай меня господи**, коль забуду зарок, что даю тебе...» (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1874)).

Типологические и коммуникативно-семантические признаки скрепляемых клятвенными формулами высказываний

Рассмотренные выше клятвенные формулы в обыденной сфере общения скрепляют два вида высказываний: репрезентативы и комиссивы. Дж. Серль (1986) описывает данные виды высказываний следующим образом: 1) «Смысл, или цель, членов класса репрезентативов – в том, чтобы зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения» (с. 181); 2) «...комиссивы – это те иллокутивные акты, цель которых – в том, чтобы возложить на говорящего обязательство (опять-таки в определенной степени) совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения» (с. 182).

В обыденной сфере общения встречаются и клятвы-репрезентативы, и клятвы-комиссивы, при этом первых больше (1287 случаев), чем вторых (630 случая). Клятвы-репрезентативы, подтверждающие что-то в настоящем, составляют большинство (692 случая). Вот лишь некоторые примеры такого рода высказываний:

1) «Это страшная ложь, клянусь вам всем святым! **Честью своей клянусь!**» (Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)).

2) «Решайтесь же! Другого выхода нет, **клянусь** вам. Нет и нет» (А. П. Чехов. Вишневы сад (1904)).

Меньше клятв-репрезентативов, которые обращены в прошлое (595 случаев). Примеры таких высказываний:

1) «**Богом** клянусь, не брал! Подсунул кто-то, не иначе – сатана...» (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1 (1934-1945)).

2) «Вором, я **клянусь** вам, никогда не был, копейкой не воспользовался для себя лично, наоборот, сам с ворами воевал, и очень успешно» (И. Грекова. На испытаниях (1967)).

Среди клятв-комиссивов больше таких, в которых говорящий берет на себя обязательства что-либо делать – 408 высказываний. Например: «**Клянусь честью офицера**, что приеду, где бы я ни был» (О. Д. Форш. Одеты камнем (1924-1925)).

Реже встречаются обязательства не делать чего-либо, то есть говорящий фактически дает зарок. Таковых выявлено 222 высказывания. Например: «... Дмитрий Алексеевич... я вас никогда не предаю. Даю вам честное слово... **Клянусь сыном**» (Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)).

Аксиологический аспект речевого акта «клятва»

Речевой акт «клятва» может быть рассмотрен в качестве источника аксиологической информации, так как он базируется на виндиктивной составляющей, что предполагает обращение говорящего к ценности, которой он готов пожертвовать за клятвopреступление (Чесноков, 2017). В нашем исследовании мы пытаемся определить к каким ценностям носители русского этноязыкового сознания обращаются чаще всего при объективации речевого акта «клятва» в обыденной сфере общения.

Анализ материала показывает, что чаще всего носители русского этноязыкового сознания обращаются к духовным связям с Богом (341 случаев), которыми они готовы пожертвовать за нарушение клятвы: *клянусь Богом* (212 случаев), *накажи меня Бог / Господь* (40 случаев), *клянусь всем святым* (35 случаев), *покарай меня Бог / Господь* (9 случаев) и др.

1) «Я больше слова не скажу... **клянусь богом!**» (Максим Горький. Фома Гордеев (1899)).

2) «**Клянусь вам всем святым**, соперника я убью...» (А. П. Чехов. Три сестры (1901)).

3) «**Покарай бог**, я всегда стоял за казаков!» (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940)).

Реже носители русского этноязыкового сознания обращаются к такой ценности, как жизнь, которой они готовы пожертвовать за клятвopреступление (244 случая): *провались я сквозь землю / чтоб мне провалиться на этом месте* (52 случая), *не сойди я / не сойти мне с места* (50 случаев), *даю голову на отсечение* (47 случаев), *разрази меня Бог / Господь / гром* (38 случаев), *клянусь жизнью* (11 случаев), *не встать с места* (9 случаев), *чтоб я сдох / чтоб мне сдохнуть* (8 случаев). Примеры:

1) «**С места не встать**, сам видал. На ночь в крынку от воров прячет» (Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953)).

2) «Велел, государь, а я не пошел... я не пошел, **разрази меня Бог!**» (Ал. Алтаев (М. В. Ямщикова). Гроза на Москве (1914)).

3) «...Товарищ Дегтярь, **клянусь** своей жизнью, честное благородное слово...» (Аркадий Львов. Двор (1981)).

Далее по убывающей находится такая ценность как физическое здоровье, которым носители русского этноязыкового сознания готовы пожертвовать при нарушении клятвы (161 случай): *лопни мои глаза / глазыньки / утроба / печенка* (78 случаев), *отсохни моя рука / мои руки и ноги / язык* (28 случаев), *зуб даю* (26 случаев), *побей меня Бог* (12 случаев), *клянусь здоровьем* (5 случаев) и др. Примеры:

1) «Идет он с какой-то молодкой и до того с ней любезничает, просто удержу нет. А она привалилась к нему и все в лицо ему заглядывает. Вот **лопни глаза мои**, если хоть каплю соврал!» (Г. М. Марков. Строговы. Кн. 1 (1936-1948)).

2) «Добровольно!.. Разучись я писать... **отсохни рука** по локоть – не напишу!» (Н. А. Некрасов. Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке (1841)).

3) «Рябов недоверчиво взглянул на него и промолчал. – **Зуб даю**, – поклялся Гаенко...» (Сергей Довлатов. Солдаты на Невском (1965)).

4) «**Клянусь здоровьем**, правду я говорю. Могу доказать. Да сейчас некогда» (А. С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга (1936-1944)).

На четвертом месте по количеству упоминаний при объективации носителями русского этноязыкового сознания речевого акта «клятвы» находится такая ценность, как честь (150 случаев):

1) «**Честью** вам **клянусь**, не понимаю теперь, не понимаю решительно, как я эту пытку выдержал» (И. С. Тургенев. Уездный лекарь (1848)).

2) «Тогда-то я откроюсь вам и разделю с вами участь вашу, какова бы она ни была: **клянусь** вам в этом своей **честью**» (И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)).

Реже носители русского этноязыкового сознания обращаются к такой базовой ценности родовой культуры, как кровные связи, которыми они готовы пожертвовать при нарушении клятвы (81 случай): *клянусь мамой / матерью* (45 случаев), *клянусь отцом-матерью / отцом* (15 случаев) и др. Примеры:

1) «...Точно помнишь? – **Мамой клянусь**, – твердо ответил Дубинюк. Не сам он освободился, кто-то ему помог» (Александра Маринина. Последний рассвет (2013)).

2) «После работы идем к Васе. Пусть попойет, салажонок. И я его расколю. **Отцом-матерью клянусь**, я его выведу на чистую воду» (Борис Екимов. Житейские истории // «Новый Мир», (1999)).

Далее по убывающей находится такая ценность, как статус своего, которая опирается на древнейшую когнитивную оппозицию «свой – чужой», в которой «свой» – это хороший человек, а «чужой» – это плохой человек. Носители русского этноязыкового готовы пожертвовать статусом своего в случае клятвоступления (65 случаев): *гадом буду* (21 случай); *падлой буду* (6 случаев); *будь я анафема* (3 случая) и др. Примеры:

1) «**Гадом буду**, век свободы не видать, а я тебе, Серега, помогу!» (Николай Дежнев. В концертном исполнении (1993)).

2) «Нет, я **падлой буду**, в натуре, я нравственность подниму» (Анатолий Трушкин. 208 избранных страниц (1990-2002)).

3) «Да нет же; экой какой!.. Ну, веришь ты в бога? ну, ей-богу, приду! **Будь я анафема**, коли не приду!» (Д. В. Григорович. Переселенцы (1855-1856)).

Реже носители русского этноязыкового сознания обращаются к такой ценности, как свобода (воля), превращая данную ценность в цену, которую они готовы заплатить за клятвоступление (13 случаев): *свободы не видать* (7 случаев) / *век воли не видать* (6 случаев). Примеры:

1) «Через месяц верну штуку. **Век свободы не видать**. Месячишко перекантуюсь. Потом опять раскручусь» (Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)).

2) «Настя от изумления даже карандаш выронила. – **Век воли не видать**, – побожился Коротков. – Его только что доставили. – С ума сойти!» (Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996)).

Встречаются также небольшие группы вербальных построений, в которых в качестве ценности, которой говорящий готов пожертвовать за клятвоступление, называются любовь (6 случаев), оружие (6 случаев), счастье (6 случаев), совесть (5 случаев), хлеб (3 случая). Примеры:

1) «...**Клянусь** моей **любовью** к Марье Антоновне, которая, конечно, для меня дороже всего, клянусь этою любовью, что я всю жизнь буду любить их!» (А. Ф. Писемский. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына (1851)).

2) «...**Клянусь** своей иззубренной **саблей!**.. Я не трус, вы это знаете! Но мне надоело ратное поле» (А. О. Осипович (Новодворский). Мечтатели (1881)).

3) «...Но как бы то ни было, если вы не откажетесь от преследования Софьи и если не решите дела покойного ее отца по законам, то я **клянусь** вам **счастьем** моей жизни, что сам упаду к ногам правосудной государыни и буду на вас жаловаться; а между тем расскажу всем вельможам и придворным о нашей встрече у Софьи» (Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)).

4) «...**Совестью клянусь**, не соврал, – завопил Борис, – это он все придумал!» (Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)).

5) «Веришь? Ну **хлебом клянусь!** – громко бубнил набитым ртом, а сам будто оглох» (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001).

Гендерный аспект речевого акта «клятвы»

Гендерная характеристика материала показывает, что из 1917 высказываний, объективирующих изучаемый речевой акт, 1563 высказывания (81,53%) принадлежат мужчинам, а 354 высказывания (18,47%) – женщинам.

Эксплицитные перформативные формулы составляют 1345 случаев употребления. Выявлено 1092 высказывания (81,19%) представителей мужского пола и 253 высказывания (18,81%) представительниц женского пола. Из общего числа эксплицитных перформативных формул с глаголом «клянусь», имплицитным

содержание проклятия (752 высказываний), мужчины произнесли 597 высказываний (79,39%), а женщины 155 высказываний (20,61%). Из общего количества эксплицитных перформативных конструкций, включающих в себя глагол «клянусь» и имя, обозначающее ценность, которую говорящий готов принести в жертву при нарушении клятвы (592 случая), у мужчин 495 случаев (83,61%), а у женщин 97 случаев употребления (16,39%). Выявлен единственный случай обращения представительницей русского этноязыкового сознания к эксплицитной перформативной формуле с глаголом «клянусь» и речевым построением, раскрывающим содержание проклятия.

Общее количество переориентированных речевых формул проклятия составляет 572 высказывания, включая 471 случай у мужчин (82,34%) и 101 случай у женщин (17,66%). Что касается форм ротьбы, то здесь у носителей русского этноязыкового сознания выявлено 488 случаев, из которых 399 случаев у мужчин (81,76%) и 89 случаев у женщин (18,24%). К реже употребляемым формам ротьбы-божбы относятся 84 высказывания, из которых мужчины произнесли 72 высказывания (85,71%), женщины – лишь 12 высказываний (14,29%).

Рассмотрев типологию скрепляемых клятвенными формулами высказываний с точки зрения гендерного аспекта, необходимо отметить, что из общего количества (1287 случаев) клятв-репрезентативов мужчинами они используются в 1033 случаях (80,26%), а женщинами – в 254 случаях (19,74%). При этом мужчины используют репрезентативы, обращенные к прошлому 463 раза (44,82%), а женщины – 132 раза (51,97%). Мужчины для подтверждения чего-либо в настоящем используют репрезентативы 570 раз (55,18%), а женщины – 122 раза (48,03%).

Общее количество клятв-комиссивов составляет 630 высказываний. Мужчины обращаются к данным клятвам в 530 случаях (84,13%), тогда как у женщин выявлено всего лишь 100 таких случаев (15,87%). При этом мужчины принимают на себя обязательство выполнять что-либо 354 раза (66,79%), а женщины 54 раза (54%). Клятв-комиссивов, связанных с невыполнением определенных действий в будущем (зарок), у мужчин – 176 случаев (33,21%), тогда как у женщин – 46 случаев (46%).

Заключение

Наше исследование показывает, что виндиктивная составляющая речевого акта «клятва» воплощается носителями русского этноязыкового сознания чаще в эксплицитных перформативных формулах, чем в переориентированных речевых формулах проклятия.

Как правило, эксплицитные перформативные формулы, используемые носителями русского этноязыкового сознания при объективации речевого акта «клятва» представляют собой речевые построения с глаголом «клянусь», имплицитно содержащее содержание проклятия, а также эксплицитные перформативные конструкции, состоящие из глагола «клянусь» и имени, обозначающего ценность, которой говорящий готов пожертвовать в случае нарушения клятвы. Употребление эксплицитных перформативных формул, состоящих из глагола «клянусь» и речевого построения, раскрывающего содержание проклятия, является единственным случаем в обыденной сфере общения. Что касается переориентированных речевых формул проклятия, то носители русского этноязыкового сознания используют формы ротьбы и ротьбы-божбы.

Рассмотрев формулы речевого акта «клятва» в обыденной сфере общения, мы приходим к выводу, что здесь клятвы-репрезентативы распространены больше, чем клятвы-комиссивы.

Носители русского этноязыкового сознания используют клятвы-репрезентативы чаще, подтверждая что-либо в настоящем, чем в прошлом. В клятвах-комиссивах они предпочитают брать на себя обязательства о выполнении чего-либо и реже клянутся не совершать каких-либо действий в будущем.

С точки зрения аксиологии, при объективации речевого акта «клятва» носители русского этноязыкового сознания определяют в качестве платы за клятвopрeстyплeниe следующие ценности, которые указаны в порядке убывания обращения к ним: духовные связи, жизнь, физическое здоровье, честь, кровные связи, статус своего и волю (свободу). Встречаются и единичные случаи, в которых носители русского этноязыкового сознания обращаются к следующим ценностям: любовь, оружие, счастье, совесть, хлеб.

Анализ случаев употребления изучаемого речевого акта с точки зрения гендерной характеристики показывает, что мужчины используют его намного чаще, чем женщины: 81,53% и 18,47% случаев обращений.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в изучении форм объективации речевого акта «клятва» в институциональной сфере общения (армия, педагогика, религия, медицина, административно-гражданские клятвы) с точки зрения юридического или этического характера клятвы.

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук; Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Митронов И. А. Клятва как культурный концепт: дефиниционный анализ номинантов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 9 (152).
4. Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа. Изд-е 2-е, стер. М.: Флинта, 2015.
5. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов.

6. Чесноков И. И. Речевой акт «клятва» в аксиологическом аспекте // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 5.
7. Чесноков И. И. Речевой акт «клятва»: эксплицитные перформативные высказывания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (107).

Информация об авторах | Author information

RU**Митронов Иван Александрович¹**¹ Средняя школа № 77 Кировского района Волгограда**EN****Mitronov Ivan Alexandrovich¹**¹ Secondary School № 77 of Kirovsky district of Volgograd¹ mitronov.ivan@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.08.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): языковая личность; речевой акт «клятва»; формы объективации; обыденная сфера общения; linguistic personality; speech act “oath”; forms of objectivation; everyday communication.